Н. КОЛЕСНИКОВ

Документальная повесть

О чем болит сердце

8. Доверие

(Окончание. Начало в №№ 96, 99, 102, 108, 111, 114, 123 за 1984 г.)

И ВОТ, наконец-то, последняя наша встреча состоялась. Наша с вами, уважаемые читатели.

В те далекие дни сорок третьего, отвыкнув от сплошного шквального обстрела передовых позиций, мы с замиранием сердца и даже с некоторым азартом торопились по ходам сообщения к нашему первому артвзводу. Его орудия, должно быть, в эти самые секунды выкатывались из укрытий на боевые позиции, чтобы огнем 45-миллиметровых снарядов разбить понтоны и разогнать по щелям и траншеям зарвавшихся фрицев.

Больше всех интересовал нас второй расчет. Скрытый от вражеских наблюдателей густым кустарником, он мог быть обнаружен либо с воздуха, либо во время ведения огня. Туда-то мы и спешили с замполитом. Пробегая мимо первого орудия, мы отметили, что эта позиция тоже хороша для подавления переправы, но и обнаруживать ее раньше времени тоже было бы преступно.

Вот и позиции второго расчета. Обливаясь потом, командир орудия пытается выкатить пушку из укрытия. Где уж там! Вон как воздух хватает ртом, устал, задыхается и доложить толком ничего не может.

— Р-раз-два, взяли! — и втроем выкатываем орудие. Что ж, покажем как стреляют командиры.

Когда все было закончено, узнаю, что командир полка интересовался, чей это расчет так точно и экономно бил по понтонной переправе.

Но что ответить начальству, если весь второй расчет, за исключением командира... пьян! Тогда я меньше всего думал, что в первую голову именно я буду наказан, как комбат. Тогда представлялось: среди этих четырех разгильдяев будут осуждены судом военного трибунала Бочко и Клюев, так и не успевший толком узнать, что же такое Советская власть. Хотя сердцем я чувствовал: они-то меньше всего виновны в этой истории.

Уже в своем блиндаже вновь и вновь думалось: «Правильно ли сделали, что тут же не доложили о случившемся начальству? До утра надо что-то предпринять, иначе будет поздно, ведь пехота знает, что у блиндажа второго расчета выставлен часовой».

— Командир, а ты знаешь, почему все до одного пьяны и все одинаково — в стельку?

— Если бы знал, уже доложил бы куда следует. А что, комиссар, ты секрет пронюхал?

— Как в воду смотришь, Николай. Именно пронюхал. Нет, сначала, конечно, высмотрел. Гляжу: фляга. В ней что-то молочное, вроде плохонькой самогонки. Да и откуда нынче хорошей взяться? А поскольку я специалист сельскохозяйственный, в этих вопросах, поверь, разбираться обязан. По-моему, это зелье настояно на нюхательном табаке. Для дурмана. Вот они и поотравлялись, вместо того, чтобы опьянеть.

Конечно, объяснение давало маленькую разрядку. Но не настолько, чтобы хладнокровно отдать под трибунал всех четверых. Опять вспомнилось, как принимали пополнение, и среди всех выделялся этот богатырь, Клюев.

БЫЛ он скромным и даже замкнутым человеком, почти ни с кем так и не сдружился, если не считать Бочко, который теперь с ним же и разделит общую участь. Был Клюев исполнителен и самолюбив. Мы с Иваном Сысоичем частенько не могли его понять, но чувствовали, что он в душе носит печаль и недоверие.

Мои мысли оборвал зуммер полевого телефона:

— Ну, комбат, молодцы у тебя ребята в первом взводе! — раздался в трубке голос майора Волынского. — Тут весь штаб только и говорит о твоих орлах. Да и с комбатом пехотным я по телефону разговаривал. Доволен он, очень доволен твоей работой. Ну, бывай!

Странный звонок. Среди ночи. Уже шел третий час. Да и что бы значило: «...твоей работой...», «с пехотным комбатом разговаривал». Скорее всего, знает и намекает, чтобы с утра пораньше доложил. Хуже будет, если клубок размотается, покатившись из штаба.

Викторчик ждал, что я перескажу содержание разговора. Но, похоже, уже догадывался сам.

— Так-то. Только кровью можно смыть такой позор.

— Вот и дай им такую возможность.

— А где я ее возьму? Ты же не маленький. Их ведь до самого трибунала из под ареста не выпустят.

— Эх, командир, командир... Где же твоя командирская хватка. Ты вспомни-ка, сколько желающих нашел начальник разведки дивизии для поиска языка? Он уже весь цвет своей разведроты, включая ее командира, на том берегу оставил.

— Так-так-так. Начинаю что-то кумекать, но ты, Сысоич, продолжай, а я уж в заключение выскажусь.

— Ну вот. Клюев знает язык. Значит, ему будет безопасней в немецком тылу. К тому же он — богатырь. И последнее... Чтобы спасти себя и своих товарищей, любой сделает невозможное.

— Молодец, комиссар, правильно мыслишь. Но если Клюев согласится, невозможное придется делать нам — уговаривать штаб, чтобы разрешили Клюеву. И первый же вопрос нам будет: «А где гарантия, что человек, столько проживший в Германии, судимый на Родине, вернется, не предаст?»

— А вот мы у Клюева и возьмем эту гарантию, — подвел черту под разговором Викторчик и негромко позвал, — Федотыч!

— Ага! — ординарец удивленно смотрел на нас заспанными глазами. — Слухаю.

— Ты вот что, Клюева сюда доставь. Немедленно. И чтобы под автоматом. Пусть знает мерзавец, как самогон хлебать перед тем, как немцы переправу наводить станут.

— Так он же планов ихних-то не знал. Вона сколько на ту сторону плавало и из дивизии, и из армии. Орлы, а не разведчики. А вернулися-то всего только два, да и то не сказали, что это такое немцы себе думают.

Федотыч не-то заступался за провинившихся из чувства солдатской солидарности, не то догадался, к чему дело клонится. А, может, и слышал в полудреме наш разговор.

КЛЮЕВ появился огромный, заняв почти полблиндажа. Даже как-то тесно стало. Лицо, серое после отравления и бессонной ночи, поднял лишь однажды, когда докладывал. Теперь же опустил голову, чтобы не подпирать плечами накат блиндажа, а главное — чтобы на нас не смотреть.

— Ну, как, опохмелились, товарищ боец? — вполне серьезным и даже строгим голосом спросил комиссар.

Ответа не последовало. Только желваки заходили, и пальцы рук сжались в огромные кулачищи. Еще бы, он полагал, что началось расследование и я, как командир, использую свое право провести дознание, прежде, чем доложить обстоятельства этого воинского преступления.

— Садитесь, — уже мягким голосом предложил Иван Сысоевич. — Да, садитесь же, а то в блиндаже не то, что повернуться, места нет, дышать нечем — весь воздух вытеснили.

И опять боец по-своему растолковал слова комиссара. На придвинутый к столу ящик сел. Куда же деваться! Но посмотрел на нас уже не настороженно, а как-то безразлично. Он уже видел свою судьбу. Видел, в общем-то, именно так, как она и должна сложиться, если нам с комиссаром не удастся ее повернуть.

— В разведку пойдете? — без обиняков спросил комиссар, и Клюев вскочил, будто объявили его фамилию для вручения награды.

— За языком. Надо будет не просто вернуться, но и непременно добыть языка. Иначе... — Клюев перевел взгляд на меня, но продолжал молчать. И это его молчание было столь же ясным и твердым, как слова присяги перед строем своих товарищей. — Идите, — закончил я. — Ждите решения.

НЕ БУДЕМ говорить о том, сколько усилий потребовалось, чтобы убедить политотдел и командование в целесообразности принятого нами решения. Может, ничего бы у нас не вышло, если бы не начальник разведки дивизии, который сразу же встал на нашу сторону.

Что и говорить, доверие Клюеву было оказано огромное. Как он его выполнит — вот в чем вопрос. В эти дни мне больше всего думалось о случайностях и капризах войны. Вот пойдет человек в разведку. Нет, не один. Но языка-то, наверняка, один брать будет, чтобы меньше шума было. А вдруг погибнет? Один, без свидетелей. Тогда все — предатель.

И сейчас я и Клюев — это как бы один человек. Мы объединены моим поручительством. Не вернется — значит, командир батареи создал условия для его перехода на сторону врага. Вернется, да еще с языком — тут уж почет ему и слава. Ну, и мне — как командиру.

А в это самое время наш герой заканчивал подготовку. За изгибом оврага, у самой реки, связал между собой два коряжистых бревна. С одной стороны укрепил распорку. Получилось нечто вроде огромной рогатки.

Тут же, под небольшим брезентовым навесом, сидел рядовой Снегирев из того же пополнения, что и Клюев, и еще двое бойцов, они делали необычную дратву — из веревки.

Уж кто был доволен этой Клюевской затеей, так это наш старшина. Человек для этой должности неподходящий, временный, он всегда запаздывал со снабжением, а уж выбить что-нибудь у тыловиков — так и вовсе его нет. А тут счастье само в руки пришло. Около полутора километров веревки и два ящика мыла, чтобы натереть ее. И все это — за счет разведчиков.

— Ты, Снегирев, сильно не старайся, — то и дело говорил старшина. — Надо не только о разведке думать, но и о личном составе. Экономить надо мыло.

Тут подходил Клюев и говорил совсем другое:

— Ты старайся, Снегирь! Старайся. Чем больше мыла вотрешь в эту веревку, тем меньше воды она впитает. Значит... Ну, что это значит?

— Легче будет! — улыбался Снегирев и продолжал свою работу.

ИДЕЯ Клюева была такой. Переплыть на тот берег с веревкой, перехватив ее посредине. Поэтому она и должна быть хорошенько промылена, чтобы первые полчаса не впитывала воду, иначе одному не справиться. Вершину этой необычной петли закрепить за поваленное на том берегу дерево, наполовину лежащее в воде. Затем на берег выносится его плот и опускается в реку. За плот держатся Снегирев и двое разведчиков, которым посчастливилось уцелеть в прежних вылазках. Привязанный к дереву на противоположном берегу, плот постепенно, не вызывая подозрений у немцев, к берегу пристанет. После этого Клюев должен отцепить от дерева веревку. Ее свободный конец прочно закреплен в овраге. Когда «язык» будет взят, его положат в гамак, устроенный между бревнами, и плот столь же естественным образом причалит к своему берегу, проделав вниз по реке путь общей сложностью около полутора километров.

Вот так все просто и так сложно. И первая сложность — переплыть на ту сторону незамеченным. Клюев и взял на себя это дело.

Глядя на все эти приготовления, разведчики посмеивались: «Долгие сборы — пустые хлопоты». Зато расставание вышло трогательным и вовсе не уставным.

— Вернешься, богатырь, роту дам, — напутствовал начальник дивизионной разведки. — Через три месяца лейтенантом будешь. Добро?

— Какие разговоры! Разве одесситы отказывались от настоящей работы.

В самый последний момент, уже погружаясь в воду, Клюев вдруг подозвал к себе начальника разведки и что-то ему шепнул. Оказалось, что специалист по тайным делам, — так в эти дни за глаза звали Клюева, — придумал еще одну хитрость. Когда «плот» с разведчиками отчалит от нашего берега, хорошенько обстрелять его из двух пулеметов и после, пока он будет плыть, пустить по нему несколько «страховочных» очередей. Тогда немцы подумают, что мы боимся этой плывущей коряги, и успокоятся.

ВСЯ эта операция шла строго по плану. С тою лишь корректировкой, что разведчики провели на том берегу не сутки, а трое суток. Зато унтер-офицер, добытый Клюевым и его группой, дал ценные сведения.

ОНИ вернулись!

Пока еще не проснувшийся повар готовил ребятам кашу с тушенкой, мы все сидели в землянке, радостные и возбужденные.

— Молодец, Клюев, молодец! — Вот, пожалуйста, проект приказа по дивизии о присвоении тебе звания старшины. Утром он будет подписан и ты можешь принимать роту, — тискал в своих объятиях начальник разведки Клюева. Ему надо было лично доставить унтера в штаб. Ведь по телефону-то уже доложили.

— Извините, товарищ майор, но я из этой батареи уйти не могу. Вот мои родители — комбат и комиссар. Не поручись они за меня, может, трибунал уже определил мою судьбу. А так я, считайте, заново народился. А сыны должны беречь своих родителей, так же, как родители берегли их в младенчестве.

Нет, не вышел у них разговор. Не хотели они понимать друг друга, а к обеду Клюева вызвали в штаб дивизии.

Вернулся он оттуда старшиной. Да еще и с орденом Красной Звезды. Это была его первая награда. А через несколько дней мы узнали, какой разговор имел Клюев с комдивом. После всех поздравлений и распросов генерал сказал:

— А теперь, старшина Клюев, принимайте роту разведчиков.

— Товарищ, генерал, разрешите отказаться от предложения!

— Это не предложение, старшина, это приказ!

— Тогда вот, — Клюев достал трофейный пистолет, который дал ему перед вылазкой начальник разведки. — В нем один патрон. Он для меня. За невыполнение приказа, я знаю, в военное время полагается расстрел. Расстреляйте меня, товарищ генерал, но не забирайте от моих родителей...

Вот так мы с комиссаром и обрели сына-богатыря. А о том, какие события ждали нас впереди, вы уже знаете.

За редактора
О. Н. НОВИКОВА.

В военизированную охрану завода требуются стрелки (мужчины и женщины, трудоспособные пенсионеры). Все работающие обеспечиваются постовой одеждой и бесплатным форменным обмундированием.
Средний заработок — 136 рублей.

Детскому саду № 40 на постоянную работу требуются няни, повар, сторож-дворник.
Обращаться: ул. Тракторная, 78.

Газета выходит по вторникам, четвергам и субботам

НАШ АДРЕС И ТЕЛЕФОНЫ:

658201 г. Рубцовск, ул. Комсомольская, 108.
ТЕЛЕФОНЫ: редактора — 20-85, ответственного секретаря — 28-25, корреспондентов и фотокорреспондента — 30-12, 34-43, общественной приемной — 30-36.

Типография АТЗ

Зак. 349 Тираж 4.030 экз.